С видом на Евросоюз: практики пограничья в Советске

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА РАДЧЕНКО [1]

✉ DARRADCHENKO@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Радченко, Д. А. (2021). С видом на Евросоюз: практики пограничья в Советске. *Фольклор и антропология города*, *IV*(1–2), 14–39. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-14-39.

Исследование постсоветского пограничья невозможно без осмысления истории взаимодействия жителей соседних государств, на протяжении десятилетий являвшихся республиками СССР. Именно таков случай границы между Республикой Литва и Калининградской областью РФ, один из пропускных пунктов через которую находится в черте г. Советска. Жизнь на неустойчивой границе, изменявшей свои географическое положение, статус и характер, оказывает непосредственное влияние на жизненные стратегии и практики горожан: трансформируется порядок посещения тех или иных городских локусов, появляется целый ряд «приграничных» профессий, вырабатываются практики «регионавтики» — постоянного трансграничного перемещения с целью получения выгоды от различий территорий по обе стороны границы, появляются лазейки, позволяющие осуществлять такие перемещения с минимальными затратами ресурсов. Представленное исследование основано на нарративах советчан, содержащих воспоминания о советском и постсоветском прошлом города. В статье представлены результаты полевой работы, проведенной в рамках проекта «Народная история России», поддержанного Фондом президентских грантов.

Ключевые слова: исследование пограничья, «регионавт», городская антропология, Советск, Калининградская область

Исследование выполнено в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20–1–036197)

A view on the EU: Border practices in Sovetsk

Daria A. Radchenko [1]

✉ DARRADCHENKO@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-9298-7783

[1] Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Radchenko, D. (2021). A view on the EU: Border practices in Sovetsk. *Urban Folklore & Anthropology*, *IV*(1-2), 14–39. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-14-39. (In Russian).

Studying of post-Soviet borderlands is virtually impossible without reflection on the history of interaction between citizens of neighboring countries that both used to be Soviet republics for decades. A perfect example of such borders is the border between Lithuania and Russia's Kaliningrad region; one of its checkpoints is situated in the town of Sovetsk. Life on an unstable border that used to change its location, status and character directly affects the life strategies and practices of the townspeople: attendance of certain town loci is transformed, a whole range of



Илл. 1. Мост Королевы Луизы, место пересечения государственной границы. Фото: Дарья Радченко

"border" occupations emerges, the rules of "regionautics" — constant transborder travel making use and profit of various territories both sides of the border — are formulated, and loopholes allowing to conduct such travel with minimal costs emerge. This research is based on the narratives of the townspeople of Sovetsk dwelling on the memories of both Soviet and post-Soviet past of the town. This article presents the outcomes of the fieldwork conducted within the project "The People's History of Russia" supported by the Presidential Grants Foundation.

Keywords: border studies, regionaut, urban anthropology, Sovetsk, Kaliningrad Region

На открытках, изображающих довоенный Тильзит или послевоенный Советск, чаще всего встречается его наиболее известный архитектурный памятник — мост Королевы Луизы, переброшенный через реку Неман и соединяющий Калининградскую область Российской Федерации с Таурагским уездом Республики Литва (*Илл. 1*). Он является не только главным узлом городской жизни, но и важным символом, метафорически отражающим ключевые проблемы локальной идентичности и культурной памяти. Мост, по выражению жительницы города, "соединяет нас с другой стороной, соединяет нас с прошлым. Такой мост, который перекинут в прошлое. Мост много значит»[1].

Процитированное высказывание емко характеризует идентичность постсоветского города, существующего одновременно в двух измерениях пограничности. С одной стороны, это город, который живет в инфраструктуре, созданной в прошлом людьми, не имеющими с современными советчанами ничего общего; нижние границы обыденной памяти города заканчиваются массовым переселением сюда советских граждан в 1945–1947 годы, а

[1] ШАИ — ж., 1970, музейный работник, активист. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.



Илл. 2. Интервью с Э. Б. Мачехиной проводит Анна Козлова. Фото: Юлия Вакс



Илл. 3. Улица Ленина и памятник тильзитскому трамваю. Фото: Дарья Радченко

историческая (хотя и «чужая») память простирается вплоть до средневековья. Характерный пример работы с памятью в городе — трамвай-памятник на улице Ленина, увековечивающий знаменитый тильзитский трамвай, существование которого прекратилось за несколько месяцев до взятия города советскими войсками (*Илл. 3*). С другой, на протяжении своей истории город не раз менял государственную и территориальную принадлежность: по Неману проходили границы между регионами одной страны, между странами, а иногда эта граница и вовсе становилась невидимой или сдвигалась относительно города на несколько километров.

При этом граница, на который ныне расположен Советск, отличается от многих государственных границ. С территорией по другую сторону Немана Советск разделяет общее прошлое и общую повседневность [см. Бредникова 2008]; соседнее государство не вполне «чужое», оно тесно связано с Советском торговыми сетями, социальными связями и узами памяти. Ситуация, характерная для границ между бывшими советскими республиками, усиливается здесь территориальной близостью: между Советском и ближайшим зарубежным городом нет обширной полосы незаселенной земли[2]. Жизнь на границе накладывает своеобразный отпечаток не только на повседневность, но и на историческую память города.

Подвижная и проницаемая

Как уже было замечено выше, граница, на которой расположен Советск, и характер проживающего в городе населения неоднократно менялись на протяжении последних ста лет. Территория, на которой расположен Советск (до 1946 года — Тильзит), входит в состав исторической области Малая Литва (Восточная Пруссия). Современная граница Калининградской области, в непосредственной близости от которой расположен город, до определенной степени является продуктом Версальского договора 1919 года. Согласно ему, немецкоговорящие территории Восточной Пруссии отошли к Германии, литовскоговорящие — к Литве, а Клайпедский край, или Мемельланд (в том числе Тильзит) был выделен в автономную территорию под управлением французской администрации. Граница была проведена по р. Неман, причем правобережная часть города была выделена в пригород под названием Убермемель. В 1923 году после Мемельского восстания край вошел в состав Литвы, и в этот период Убермемель приобретает современное название — Панемуне. В 1939 году Мемельланд был аннексирован Германией, после чего Тильзит временно утратил свой пограничный статус, а Убермемель опять стал частью Тильзита. В этот период множество литовцев покинули город, и он приобрел более выраженный немецкий характер.

После взятия Тильзита в 1945 году советскими войсками Клайпедский край вошел в состав СССР как часть Литовской ССР, а граница между анклавной Калининградской областью и Литовской ССР была проведена по Неману. Тильзит был переименован в Советск, а Панемуне приобрел статус самостоятельного населенного пункта (с 1968 года — поселок городского типа). При этом небольшой отрезок Базарной улицы на правом, литовском, берегу Немана все еще относился к территории Советска.

После распада СССР граница между республиками стала государственной границей, причем была проведена по фарватеру р. Неман (*Илл. 4*). Советск

[2] Аналогичная ситуация наблюдается на границе Ивангород – Нарва, где российский и эстонский города разделяют лишь река и пограничный пункт на мосту.

окончательно утратил контроль над правобережными территориями и превратился в приграничный город. В 2004 году Литва стала членом Евросоюза, что привело к существенному ужесточению правил по пересечению границы. Хотя положение границы в пространстве не изменилось, она стала менее проницаемой — и потому более заметной.

Эта ситуация довольно типична и хорошо отрефлексирована в рамках border studies. Во-первых, граница всегда неустойчива, склонна к изменчивости во времени — и поэтому должна описываться как процесс, а не как объект. Во-вторых, она не является непреодолимым препятствием для мобильности [Alvarez 2012, Troscenko 2016]. Приграничное население и находящиеся в его распоряжении объекты пересекают ее регулярно: легально, нелегально, полулегально, причем для жителей пограничья нередко вводятся облегченные (по сравнению с остальным населением) правила пересечения границы. Люди и вещи, находящиеся по обе стороны границы постоянно взаимодействуют между собой. Это наблюдение привело исследователей к формированию концепции «пористой» границы (в противоположность представлению о ней как о замкнутом и слабо проницаемом контуре), и понятию «трансграничного / кросс-граничного гражданства»: «Границы также могут простираться порой далеко вглубь стран, которые они разделяют, образуя пограничную область, которая включает население, проживающее вдоль рубежа» — территорию, на которой действуют акторы, получающие прибыль непосредственно от трансграничных товарных потоков [Холцленер 2009]. Поэтому изучение практик приграничного населения требует проведения работы по обе стороны границы [Alvarez 1995].

Как замечает Карлос Дуарте-Эррера, приграничную территорию можно описать при помощи нескольких понятий: как регион (исторически сложившуюся политико-экономическая область), культурную область (территорию, где людей объединяет общая культура, причем границы — а точнее, фронтиры — такой территории могут пролегать по обе стороны и поперек государственной границы), или как «гиперпространство» (hyperspace) [Duarte-Herrera 2001]. Последнее определяется как сумма географических мест (иногда удаленных друг от друга и от официальной границы), в которых живут сообщества, пересекающие границы и переопределяющие фронтиры. Гиперпространство/гиперреальность границы создается дискурсами и практиками вовлеченных в нее социальных акторов, причем для каждой группы последних она может иметь различный смысл [Duarte-Herrera 2001]. Эти отношения, кроме того, локально специфичны и зависимы от исторического, культурного и экономического контекста: например, замечает Ольга Вендина, «Отношение к границе у жителей Забайкальска принципиально иное, чем в городах Крыма или Троицке: она рассматривается как источник доходов и основное место приложения труда» [Вендина 2019: 50].

Граница в Советске также не означала (и не означает) непреодолимого препятствия. Мы предлагаем взглянуть на нее как на способ связи, элемент сети взаимоотношений, пространство практик. В статье мы обсудим нарративы горожан о трансформирующихся во времени практиках жизни на неустойчивой границе, о повседневных взаимодействиях с ней во всех ее проявлениях — от условной демаркации на карте до специфической пограничной инфраструктуры: ограждений, шлагбаумов, контрольно-пропускных пунктов и таможенных постов, систем слежения и контроля, правил и документов, регулирующих пересечение границы, магазинов беспошлинной торговли, сотрудников постов и т. д.

Поле во время пандемии

Исследование проходило в рамках проекта «Народная история России»[3], который ведется в МВШСЭН с 2018 года. Целью проекта является сбор вернакулярных исторических текстов о городах и их картографирование [Петров и др. 2019], а задача этапа, который осуществлялся в 2020–2021 годы, заключалась в работе с пограничными областями России. Советск был выбран в качестве поля как один из ряда городов, расположенных в непосредственной близости от государственной границы[4]. Сбор данных методами интервьюирования и включенного наблюдения проходил во время краткой экспедиции в Советск в сентябре 2020 года[5]. Период проведения интервью стал причиной двух особенностей материалов, которые нам удалось собрать.

Во-первых, из-за небольшого срока экспедиции интервью проходили прежде всего с людьми, которые работают с прошлым города, как советским, так и досоветским, и заинтересованы в посвященных ему проектах. В том числе среди них были старожилы[6] и люди старшего возраста, участвующие в мероприятиях городской библиотеки, краеведы, работники сферы культуры, журналисты, коллекционеры и т. д.[7] В результате во многих интервью в центре разговора оказались не частные, «семейные» истории, а историко-краеведческие нарративы, посвященные «досоветскому» прошлому Советска.

Во-вторых, наши встречи с советчанами проходили в очень специфический период. Из-за пандемии COVID-19 в первой половине года в области соблюдался локдаун, к моменту нашего приезда свобода передвижения по стране была восстановлена, но граница с Евросоюзом все еще оставалась закрытой (кроме перемещения товаров). Это сильно изменило повседневную жизнь города: отсутствовали очереди перед въездом на мост Королевы Луизы, площадь перед таможней пустовала, был закрыт магазин Duty Free, а жители чувствовали себя в непривычной ситуации тотальной непроницаемости границы. Поэтому вопросы о жизни в пограничье задавались в прошедшем времени, что, безусловно, повлияло на характер нарративов. Вместе с тем эта особенность позволила нам эксплицировать чувство тревоги и даже клаустрофобии, возникающее в анклаве в условиях закрытых границ и ограниченных возможностей перемещения даже внутри страны.

Как правило, беседы с участниками исследования проводились в формате полуструктурированного интервью. Но многие наши собеседники изъявляли желание показать нам город и его наиболее значимые места, поэтому часть интервью была проведена в формате go-along (и даже drive-along, когда такая импровизированная экскурсия осуществлялась на автомобиле). Поэтому интервью проводились в самых разных местах города: в квартирах наших собеседников, на улицах и в парках города, в библиотеке, в кафе, а также в иных местах, связанных с повседневностью участников исследования: офисе, музыкальной студии, костеле, штаб-квартире

[3] https://pastandnow.ru/opisanie-proekta

[4] Кроме Советска, на этом этапе осуществлялся сбор материала в Печорах (Псковская область), Сортавале (Республика Карелия), Выборге (Ленинградская область), Новозыбкове (Брянская область) и др.; материалы исследований представлены в текущем номере журнала и планируются к публикации в следующем.

[5] Состав экспедиции: Дарья Радченко, Анна Козлова, Юлия Вакс.

[6] Понятие «старожил» очень важно для городской идентичности Советска. В настоящее время под старожилами понимаются не только «переселенцы» — жители города, переселившиеся в него сразу после окончания войны и в процессе или после выселения немцев (или родившиеся в нем в послевоенный период), но и люди, которые прожили в Советске несколько десятков лет.

[7] В анонимизированном перечне информантов мы указываем основные сведения о наших собеседниках, которые, как кажется, определяют границы опыта жизни в городе: пол, год рождения, род занятий и длительность проживания в Советске, наличие опыта жизни в других городах.

мотоклуба. Помимо записи интервью, мы фиксировали при помощи фотосъемки городские ландшафты и объекты, места проведения интервью, городские практики, а также документы и фотографии, которые предлагали нашему вниманию собеседники. Эти материалы в исследовании носят вспомогательный и иллюстративный характер.

Город на прозрачной границе

Особенностью пограничья в Советске является его всеобъемлющий характер. Калининградская область является анклавом; на практике это означает, что из любой ее точки расстояние до ближайшего погранпункта на границе со страной Евросоюза (Литвой или Польшей) составляет менее часа езды на машине. После распада СССР население Калининградской области, и раньше ощущавшее свою обособленность от РСФСР, стало транслировать представление о том, что область, с одной стороны, является фронтирной территорией, а с другой — своего рода островом, оторванным от «материка»[8], как в обиходе иногда называют остальную территорию Российской Федерации. Литва и Польша чаще посещаются жителями области, а потому оказываются для них ближе и в некотором смысле понятнее, чем «материк».

> Да, говорят — Калининградская область в центре Европы. Ну, мы действительно в центре Европы, хотим мы этого или не хотим, но так оно есть. ‹…› Но у нас, мы в кольце находимся. Вот эта замкнутость… ‹…› Особенно сейчас, особенно вот этот год, вот эта пандемия — все, мы закрыты[9].

При этом непосредственное соседство с Литвой делает Советск не просто одним из городов приграничья, а городом сплошной пограничной зоны — если не в официальном смысле, то в ощущении жителей. С точки зрения советчан, определяющим для характера города во многом является тот факт, что другое государство (в этом случае — Литва) находится буквально в пешей доступности.

> Можете от центра дойти до, грубо говоря, до Литвы за 15–10 минут. Еще чем привлекает город, что очень быстро мы можем оказаться в Литве[10].

> Но один раз мне с утра написал друг: «Я давно не дышал европейским воздухом. Как ты смотришь на то, чтобы пойти пешком в Пагегяй?» Это 10 километров отсюда. Я говорю: «Пошли». Мы собрались с утра, он зашел за мной, мы пошли до границы[11].

Некоторые из жителей города отмечают, что именно это обстоятельство стало причиной выбора города в качестве места жительства — либо потому, что близость «к Европе» упрощает трансграничные перемещения, либо потому, что в Литве у них есть те или иные связи и обязательства: семейные, дружеские, деловые.

Это в буквальном смысле прозрачная граница, позволяющая «оптически пересечь» ее [Troscenko 2016]: «А я жила на десятом этаже, и мы с балкона с

[8] Такая ситуация довольно типична для городов пограничья, которые являются удаленными от столицы или крупных городов [Бредникова 2008], но в Калининградской области она усугубляется географической оторванностью от основного пространства страны: поездка за пределы области на автомобиле или поездом подразумевает необходимость пересечения двух государственных границ.

[9] МКЛ — представители мотоклуба «Легион», м., 40–50 лет, уроженцы Советска. Собиратель: Дарья Радченко.

[10] КАС — м., архитектор. Переехал в Советск в 2010-е годы. Собиратели: Дарья Радченко, Анна Козлова.

[11] ЖДП — ж., 2003, школьница, экскурсовод-любитель. Уроженка Советска. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.



Илл. 4. Река Неман: прозрачная граница. Фото: Дарья Радченко



Илл. 5. Музей военной техники. Фото: Дарья Радченко

папой считали ветряки на литовской стороне»[12]. Эта прозрачность границы, ее визуальная проницаемость в обе стороны вызывает двойственные чувства. С одной стороны, городские властные акторы периодически производят (или пытаются произвести) визуальные маркеры, обозначающие «российскость» этой территории таким образом, чтобы эти маркеры были видимы с противоположного берега Немана — в некотором роде создать символический барьер, защищающий «свое» от «чужого». Это может быть установка памятной таблички о взятии Тильзита (на литовской стороне моста Королевы Луизы), огромный флаг на набережной или предложение раскрасить в цвета государственного флага РФ три девятиэтажки, хорошо видные с литовской стороны в момент пересечения моста[13]. С другой, эти визуальные маркеры нередко встречают отторжение у горожан. Так, негативные отзывы звучат в адрес еще одного начинания — музея военной техники под открытым небом на ул. Дружбы, созданного в мае 2014 года (*Илл. 5*). Одна из основных претензий сводится к тому, что стволы стоящей почти на границе[14] военной техники направлены в сторону Литвы — а значит, выражают внешнюю агрессию России и разрушают доверие, от которого так много зависит в пограничье. В отличие от многих других приграничных зон [Вендина 2019] близость границы не воспринимается советчанами как источник опасности, и эта демонстрация военного потенциала кажется многим горожанам не вполне уместной.

> Кто первый раз посещает Советск, особенно иностранцы, кто въезжает со стороны Литвы, только пересекли границу — и на тебе, сразу танки и тут все… самолеты, пушками все направлено на Евросоюз. То есть так милитаризовано как-то[15].

Однако консенсуса по этому вопросу нет: часть жителей относится к экспозиции вполне позитивно.

На протяжении многих лет положение приграничной территории оставалось неустойчивым. В течение длительного периода советчане жили в ожидании если не войны, то возможности обратного переселения («Тогда все ждали, что вот — нас сейчас отсюда выгонят. Вот завтра нас отсюда уберут — да пошло бы это все на фиг!»[16]), из-за чего Советск воспринимался частью горожан как временное место жительства (ср. [Манюк 2019]).

Эта неустойчивость, достаточно характерная для ряда пограничных территорий (ср. в Гаграх «Сегодняшнее пограничное состояние ("мы находимся в состоянии ни мира и ни войны"; "мы в состоянии войны, вдруг что...", — говорят местные жители» [Ткач 2010]), особенно ярко проявилась в начале 1990-х годов, в период турбулентности границ. Условия существования границы постоянно меняются, и жители города фиксируют эти изменения правил игры. Например, многим бросился в глаза порядок перехода от общего государства к разделению в 1990-е годы: инициатива по установке «таких вагончиков, якобы что-то вроде таможни»[17] литовцами при первых

[12] ЖДП.

[13] АЕН — ж., 1979, дизайнер. Переехала в Советск в 2010-е годы. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

[14] Ул. Дружбы перпендикулярна набережной Немана и выходит на нее; размещенные на ней объекты, таким образом, могут быть видны с противоположного берега.

[15] ВИВ — м., 1970, журналист. Переехал в Советск ребенком. Собиратели: Дарья Радченко, Юлия Вакс. Запись 12 сентября 2020.

[16] МКЛ.

[17] ЖАБ — м., 1956, художник, краевед. Переехал в Советск в 1989 году из Азербайджана. Собиратель: Дарья Радченко.

признаках распада Союза, установка БТР российскими войсками на литовской стороне, перемещение границы по мосту (на разных этапах демаркационная линия проходила то по одному из берегов, то посередине моста), изменение порядка пересечения границы:

> Тут несколько этапов было. Тут сначала был российский паспорт. Потом российский паспорт, в него ставили отметку. Потом в российский паспорт с вкладышем. То есть был специальный вкладыш такой, там как портянка, если ты часто ездишь в Литву, то есть, ну, ты даже паспортов не напасешься. Потом уже как бы вот уже загранпаспорта, потом какой-то там, по-моему, вкладыш. Я уже не помню, был или не был загранпаспорт. Наверное, не был[18].

В то же время Литва и ее население не воспринимаются как «чужие», в том числе и потому, что в Советске и вокруг него проживает множество литовцев и смешанных семей. Это как коренное население Малой Литвы, так и потомки людей, которые в советский период вынуждены были поселиться за пределами республики: репрессированные литовцы, не имея права прописаться в Литве, селились максимально близко к ней, в том числе в Советске. Некоторые в этих условиях сохраняли свою идентичность, другие стремились интегрироваться в преимущественно русскоязычную среду выходцев из РСФСР, УССР, БССР — например, некоторые литовцы давали детям русские имена, меняли фамилии или отчества; существуют семьи, в которых у одного ребенка русское отчество, а у другого — литовское. Кроме того, немногочисленное оставшееся в регионе немецкое население в целях безопасности иногда мимикрировало под литовцев, принимая соответствующие фамилии.

> Я знаю семьи, в которых у мамы, допустим, литовское гражданство, у папы — русское, российское. Ребенок с российским гражданством[19].

> И даже что некоторые немцы оставались, брали литовские фамилии. Ну тут же как бы все было ну, Литва, Россия — это ж все СССР было. И где-то там на хуторах брали литовские фамилии, оставались здесь жить как литовцы уже. Ну, немного, конечно, но какая-то часть оставалась[20].

Члены семей, в результате репрессий или миграций поселившиеся по разные стороны Немана, обеспечивали и обеспечивают существенный трансграничный поток; в настоящее время многие из них имеют двойное или литовское гражданство. После распада Союза литовское правительство стимулировало литовцев Калининградской области к возвращению к национальным корням — а потом и в страну — путем языковых курсов, программ поддержки, религиозной деятельности и т. п.

Благодаря наличию тесных связей, в том числе семейных, внутри города, межэтнические отношения воспринимаются как максимально спокойные. Кроме того, наши собеседники отмечали «литовскость» пограничных территорий вокруг Советска, выраженную в особом характере местного населения[21].

> В городе никаких националистических, вот, никогда не было, потому что тут само по себе население смешанное. У всех, чуть ли не через одного, родственники в

[18] ТСВ — м., 1974, предприниматель. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

[19] АЕН — ж., 1979. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

[20] КС — м., 1973, художник. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

[21] Даже на уровне архитектуры оказывается, что часть зданий Советска построена по литовскому проекту — типовому проекту, разработанному в Литве.



Илл. 6. Здание ложи «К трем патриархам», в настоящее время — Центр развития творчества. Фото: Дарья Радченко



Илл. 7. Скульптура «Лось». Фото: Дарья Радченко

той же самой Литве, очень большая диаспора литовская в городе. Тут и поляки, и литовцы, и белорусы живут. Многонациональный, как говорится, народ, и… Я не видел никогда никаких проявлений, жили и жили[22].

У нас, в отличие от наших соседей по ту сторону Немана, у нас очень терпимый город[23].

При этом в постсоветских меморатах (особенно — хотя не исключительно — связанных с периодом борьбы Литвы за независимость) нередко встречается устойчивый мотив некомфортного ощущения отчужденности, игнорирования и неприязни со стороны литовцев при посещении литовского берега: будь то поездки за покупками или с рекреационными целями. При этом наши собеседники практически не сталкивались с собственно враждебными действиями, но на эмоциональном уровне часто ощущают, что литовскоговорящая среда их отторгает. Это переживание, по-видимому, является результатом нереализованного ожидания: именно потому, что литовцы не ощущаются советчанами как в полной мере «иностранцы», их нейтральное или тем более неприязненное отношение замечается и оказывается болезненным.

А когда наши приезжали за продуктами в те же самые литовские магазины — ну, как-то не особо хотели продавать, ну, хотя и продавали. ‹…› Но делали вид, как будто не понимают ничего по-русски[24].

Ну, на пляж ходили. Я два раза тонула. Я почему вот… теперь всю жизнь боюсь плавать, воды боюсь. А литовочки стоят такие… рядом вот стоят женщины, между собой беседуют; им вот посюда, а я-то ‹…› ребенок, я вся туда с головой. Как это вот я еще… ноготками так зацепилась… «Тетеньки, спасите!» Они, главное, видят, что я тону… и отвернулись[25].

Это ощущение особенно ярко актуализировалось в период распада СССР и установления государственной границы на месте слабо рефлексируемой границы между союзными республиками.

Если мы ездили туда за продуктами, потом мы перестали ездить. Стало просто опасно ездить. [Почему опасно?] А так это, знаете, мы чувствовали отношение литовцев к нам. Если не открыто враждебное, то такое довольно-таки недоброжелательное. Если спросишь улицу там возле Вильнюса тогда, то обязательно укажут в противоположную сторону или куда-нибудь вообще в Тмутаракань[26].

Да, мы с подружкой, помню, поехали на эту гору — Рамбинас — еще когда у нас «Ракета» ходила. Сейчас я скажу, какой вам год… Где-то, наверное, [19]90-й год. Мы с ней приехали туда, а там все на литовском. Человека три только выгрузилось с «Ракеты». Раньше, знаете, на эту гору на День молодежи столько народу! А тут только три, из них только… и мы две, две такие дурынды приехали ‹…› вот это вот у них национализм такой вообще: они песни поют на литовском, флаги развеваются у них там. О, вот я струхнула серьезно[27].

[22] ВИВ.
[23] ЕВА — м., 1973, журналист. Переехал в Советск в 2016 году. Собиратель: Дарья Радченко.
[24] ВИВ.
[25] БЗС — ж., 1946, пенсионерка. Приехала в Советск ребенком после войны. Собиратель: Дарья Радченко.
[26] СВТ — ж., 1941/43, пенсионерка. Переехала в Советск с родителями в 1946 году из Смоленской области. Собиратель: Юлия Вакс.
[27] ЛНБ — ж., 1979, сотрудник библиотеки. Уроженка Советска. Собиратель: Дарья Радченко.

Спустя 30 лет после распада СССР о современной границе в Советске говорят как о «домашней», «соседской». После создания Евросоюза пограничные институты, например, в Нарве стали форпостом не просто страны, но и всей европейской территории [Martinez 2020]. Однако в нашем случае граница ощущается скорее как граница с Литвой (в некотором смысле «своей» и понятной), а не с Европейским союзом в целом.

О последнем вспоминают только в контексте получения шенгенской визы и сложностей с перемещением по ней: услугами литовского консульства в Советске нередко пользуются для ускорения этой процедуры (в том числе и потому, что в небольшом городе со служащими консульства завязываются неформальные связи), но затем люди склонны игнорировать требование «первого въезда» или проведения основного времени на территории страны, выдавшей визу. Таким образом, «соседская» граница оказывается не столько барьером, сколько лазейкой, ведущей к более отдаленным территориям.

> А здесь консульство литовское. Если не закроют сейчас, оно есть пока. Конечно, легче здесь. Здесь мы уже знаем всех[28].

Прагматичное соседство

Люди, которые живут в пограничье и осваивают его при помощи постоянных перемещений, вырабатывают определенную культуру и навыки, становятся «регионавтами», умеющими использовать миры по обе стороны границы [O'Dell 2003: 31], на основании локального знания, проистекающего из «близости к границе, общей истории, культуры и языка» [Ruotsala 2009]. Как отмечает шведский антрополог Орвар Лёфгрен, «Регионавты перемещаются и в физическом, и в ментальном пространствах региона, исследуя всевозможные различия — от правовой системы до условий рынка. Этот тип низового конструирования региона нередко противоречит намерениям политиков и стратегов и может включать творческие изменения существующих условий: игры с правилами и поиски обходных путей» [Lofgren 2008]. Кеес Терлоу называет это же явление «серферами границы» — людьми, чья повседневность разворачивается по обе ее стороны [Terlouw 2012].

> Очень много людей, которые живут на несколько государств у нас. То есть на Литву. В Советске, как правило, Литва это. И это не только люди, которые, как-то исторически сложилось, что они тут так, на два государства живут. Многие компании, которые кормят город — это, например, «Вичюнай», раньше это был лакокрасочный завод — они предпочитают, чтобы административные должности занимали литовцы. Все иностранные компании любят, чтобы литовцы были во главе. И они, потому что, им оплачивают дорогу, они на выходные уезжают домой обратно[29].

В полной мере «регионавтами» в Советске можно назвать только часть населения, однако практики «регионавигации» характерны в той или иной степени для большинства. В результате сложилась определенная идентичность «людей пограничья» [Alvarez 1995], в которой «своими»/«соседями» называются в том числе жители зарубежных поселений невдалеке от границы.

[28] ДСВ — ж., 1963, культурный работник. Переехала в Советск в советский период. Собиратель: Анна Козлова.

[29] ЖДП.

> Мы как-то ездили на концерт Стинга в Каунасе, и там, в общем, с парковкой была беда. ‹…› И мы поворачиваем и спрашиваем этого человека, который за эту парковку ответственный. Папа начинает с ним говорить, он говорит: ну вот, мы опоздали, так и так. Он говорит: «А вы откуда?». Ну, номера русские увидел. Мы говорим: «Из Советска». — «Так я из Таураге, мы соседи — проезжайте!» И он открыл дорогу, мы заехали[30].

Это ощущение соседства сложилось в результате длительной истории взаимодействия. В советский период жители РСФСР и Литовской ССР постоянно ездили в соседние регионы для реализации самых разных повседневных задач — в основном, для покрытия товарных и сервисных дефицитов. Так, Калининградская область была самым атеистическим регионом СССР, в ее границах были разрушены или закрыты все культовые объекты. Жители Советска в этом смысле оказались в привилегированном положении: как католики, так и православные могли посещать службы или отправлять требы (например, крестить детей — именно так были крещены некоторые из наших собеседников) на территории Литвы (см. также [Шишаченко 2020]). Еще одним ресурсом, создававшим потоки «регионавтов», было образование. Русскоязычные семьи, жившие в Литве (например, в военном городке в Пагегяе), отправляли детей в школы Советска — СВТ вспоминает, как для этих целей был организован автобус. В свою очередь, литовцы старались обеспечить своим детям школьное обучение на литовском языке. По воспоминаниям ШАИ, репрессированные литовцы, которым было запрещено возвращаться на родину, селились в Советске, потому что это ближайший город к границе, и в результате имели возможность как ездить в Литву самим, так и записывать детей в школы ближайших литовских городов — Панемуне и Пагегяя.

Наконец, как и для многих других приграничных территорий, для Советска характерен длительный и интенсивный обмен товарами с соседней страной. Он зависит от многих факторов: если в советский период он был связан с системой плановой экономики и распределения товаров (например, по рассказам советчан, литовцы покупали в Советске лекарства и промтовары — от инструментов до мотоциклов, а советчане ездили в Литву за продовольственными товарами), то в постсоветский — со стоимостью товаров и обменным курсом валют (в этот период поток пошел в основном в сторону Литвы, перевозя сахар, сигареты, бензин и т. д.)[31].

> И в Панемуне, и в Таураге, и в Шилуте ездили. ‹…› Постоянно существовал дефицит, днем с огнем не найдешь копченую колбасу в магазинах и приличную коробку конфет шоколадных. В основном, старались покупать либо в Латвии, либо в Каунасе те же самые конфеты. Единственное, чего было вдоволь, это алкоголя и овощей[32].

> Здесь, вообще, когда Советский Союз был, все ходили, мы ходили за определенными продуктами к литовцам, литовцы к нам, за определенными. Потом началась контрабанда, [*смеется*]. [Так, а за чем. Расскажите, за чем ходили?] За колбасой ходили. [То есть отсюда ходили за колбасой?] Да. А к нам за сигаретами и за этим, за бензином[33].

[30] ЖДП.

[31] По сообщению в газете «Гудок» за 1998 год, «манят соседей на калининградскую землю не только подешевевшая гастрономия, но и весьма выгодный бензиновый бизнес. Из России в Литву все автомобили отправляются с полными баками и с залитыми про запас канистрами. За рекой топливо вдвое дороже» [Заковряшин 1998].

[32] ВИВ.

[33] ЛМА — ж., 1983, культурный работник. Переехала в Советск в 2000-е годы. Собиратель: Дарья Рад-

Существенная часть этого товарообмена была и остается основанной не только на экономических принципах (наличии товаров и цене на них), но и на массовых представлениях о потребительских свойствах продуктов. Начиная с послевоенного периода, Литва ассоциировалась у жителей европейской части России с высокоразвитым сельским хозяйством и, соответственно, с изобилием и качеством продуктов питания. Одна из наших собеседниц рассказала, что ее мать, переселяясь в Калининградскую область сразу после войны, получила от случайного попутчика неожиданную подсказку — ехать в Советск, потому что рядом с ним находится Литва, а значит — «будете сыты»[34]. Продовольственные товары, продававшиеся на рынках, выражали представление о литовцах как об умелых крестьянах: их продукция противопоставлялась магазинной по признаку качества, насыщенности вкусом и, по сути, аутентичности.

> Я знаю, что, когда закрыли, литовцы очень жалели, потому что они сюда возили капусту литовскую. Он придет с этой бочкой, он продает вкуснейшую, все за литовской капустой [идут]. А творог, а молоко, а все это литовское, теперь все, [нету]. И дешевое было[35].

По рассказам целого ряда жителей города, в Литве в позднесоветский период активно покупали мясо, продукты мясопереработки (в первую очередь, колбасу), а также иные дефицитные товары. Литва также воспринималась как территория, где производятся качественные молокопродукты (колбасный сыр, сыр с тмином). Дополнительным фактором покупки становилось обслуживание — возможность выбора товара:

> Да, [19]80-е, до [19]90-х почти мы ездили туда. Здесь привезут мясо, не разрешат в магазине тебе выбирать. Она вытащит, что есть, то с костями и бери, а хочется уже что-то хорошего, вкусненького, мы ездили туда[36].

Аналогично, советчане рассказывают, что литовцы покупали водку, выпечку, которые, как считалось, в Советске были качественнее, чем в литовских городах, а также инструменты, технику, сигареты, бензин. Тем самым в городском нарративе устанавливается отношение равенства и реципрокности обмена: не только из Советска ездили за покупками в Литву, но и из Литвы — в Советск.

> Литовцы, раньше они к нам приезжали за булочками. Мы к ним — за колбасой, а они к нам — за булочками. И они сейчас всегда восхищаются: «Какие советские были булочки!». Они до сих пор вспоминают[37].

Этот товарообмен воспринимался как норма, хотя иногда создавал напряженность в местах торговли:

> А из Литвы ‹...› брали, туда увозили, лекарства. Если стоишь за литовкой в очереди, то тебе долго-долго придется стоять, у нее такой список[38].

ченко.

[34] БЗС.

[35] МИМ — ж., 1938, пенсионерка, художница. Переехала в Советск в 1970-е годы. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

[36] НЛС — ж., 1942, пенсионерка. Переехала в Советск в 1970-е годы. Собиратель: Дарья Радченко. Запись 10 сентября 2020.

[37] ШАИ.

[38] НЛС.

> Допустим, был период несколько лет назад, когда там, бензин — здесь дороже, там — дешевле, ну, и мост, там еще за мостом весь город на этих заправках. Как на заправку ни приедешь — вечно очередь из литовцев стоит[39].

Литва тем самым позиционируется в дискурсе советчан как ближайший источник объектов престижного или дополнительного потребления: «Мы туда ходили за продуктами, по сути. Полакомиться чем-то, чего у нас нет»[40]; «Литва для нас служила источником удовольствия»[41]. При этом в нарративах горожан приграничная часть Литвы выступает как, прежде всего, сельскохозяйственная территория — в противоположность индустриализированной территории РСФСР и, в частности, Советска, а крупные города (Вильнюс, Каунас) — как источник «зарубежных» благ, особенно продуктов легкой промышленности.

Товарообмен поддерживался транспортным потоком: как регулярным сообщением, так и экскурсионными автобусами — поездками в Вильнюс или Каунас пользовались для того, чтобы купить отсутствующие в ближайших городах товары. Таким образом, рекреационные поездки превращались в ресурс для обеспечения семьи.

> 15 минут автобус в Пагегяй, ближайший город, ходил. То есть они курсировали через каждые 15 минут ‹…›. [Вы часто ездили?] Конечно! Постоянно, в Пагегяй, Таураге, чуть подальше, 28 километров, и вообще и другие города, экскурсионное бюро работало, можно было посетить все, что угодно[42].

> Раньше у нас здесь трудно было с продуктами, а в Литву мы ездили за мясом ‹…› И там мы когда в Каунас ездили, когда в Ниду ездили. В Ниду на экскурсию ездили на целый день. А то в Каунас за продуктами один раз сели, поехали в Каунас за продуктами, набрали всего, а в 5 утра выезд был туда, в 5 утра, потому что экскурсии сначала, потом уже обратно едем ‹…›[43].

Но и помимо этих поездок, нередко маскирующих потребление товаров под культурное потребление, литовская сторона Немана для советчан была важной рекреационной зоной как в советский период истории города, так и после распада СССР — она обеспечивала как праздничный досуг (например, на День молодежи традиционно осуществлялись поездки на гору Рамбинас), так и отдых на природе.

По воспоминаниям наших собеседников, на стороне Панемуне находился удобный и благоустроенный городской пляж. Причины его появления — как исторические, так и техногенные. Берег, на котором расположен Советск, выше, чем литовский, поэтому в тот период, когда Панемуне был пригородом Тильзита, на северном берегу располагался популярный среди жителей летний ресторан с видом на город. Несмотря на то что после войны ресторан был разрушен, а население полностью сменилось, после восстановления моста советчане опять стали пользоваться пляжем на Немане или на Старом Немане («Старухе») — в том числе и потому, что стоки целлюлозно-бумажного завода, по сообщениям жителей, делали купание и рыбалку на южном берегу, где располагается Советск, невозможными. Практики посещения заведений общественного питания тоже

[39] ТСВ.
[40] ЖДП.
[41] ЛНБ.
[42] ШАИ.
[43] НЛС.



Илл. 8. Площадь Ленина. Фото: Дарья Радченко



Илл. 9. Католический храм Вознесения Христа — одна из «точек сборки» литовского сообщества Советска. Фото: Дарья Радченко



Илл. 10. Водонапорная башня. Фото: Дарья Радченко

восстановились: до 1990-х годов рядом с пляжем располагалась шашлычная, теперь горожане посещают в Панемуне кафе с литовской кухней.

> Пляж городской был у нас на литовской стороне. ‹…› [Я] все детство там [провела]. ‹…› Все вспоминают, как там была шашлычная, это был ритуал — обязательно посетить шашлычную в Панемуне. ‹…› Мы там можем целый день проводить и не один раз искупаться, позагорать, назад пройти, посидеть в кафе, поесть литовскую кухню [*смеется*][44].

В советский период Советск выступал своего рода культурным центром для всего региона: жители литовских сел, в частности, приезжали в город для походов в кино [Marucco 2014]. В свою очередь, города Литвы — Каунас, Таураге и др. — служили важными досуговыми точками притяжения как во времена СССР, так и до настоящего времени.

> Ну, и, естественно, когда группами, конечно, ездили, 20–23 километра, город Таураге. Там тоже постоянно были какие-то байк-фестивали, какие-то концерты. Мы тоже, естественно, туда ездили. Оттуда сюда ездили. Как-то, ну, была вот такая вот связь, было общение и т. д. <…> это, наверное, был уже две тысячи… вот, какой-то [20]11-й, [20]12-й год[45].

Мост как призвание и профессия

Товарный обмен в Советске, как и на любой границе, подразумевает, что, помимо собственно погранвойск и служащих таможенного пункта (в том числе обслуживающего персонала), в регионе существует огромное количество легальных, полулегальных и нелегальных профессий, связанных с пограничьем. Это как те, кто осуществляет физическую переброску товара, так и те, кто, не перемещаясь через границу, все же способствует этому потоку: торговцы, водители, челноки, таможенные брокеры, мелкие контрабандисты, посредники, валютчики.

Ключевым каналом легальных и нелегальных товарных потоков в течение десятилетий оставался мост Королевы Луизы, на котором расположен погранпункт. Особенно это стало заметным в 1990-е годы, когда в результате колебания цен стала выгодна перепродажа сахара: от крупных партий до мелкорозничной продажи частными лицами, и в результате в эту деятельность стало вовлечено множество людей; в обиходе мост назывался «сахарным» или «самым сладким в мире». В этот период произошла важная для города трансформация — «продуктовые» регионавты, совершавшие поездки в соседнюю республику для покупки товаров для собственного обихода, постепенно профессионализировались: некоторые — на краткий период, другие — на длительный срок.

> Тут такое творилось! Полный муравейник! Вот там ‹…› стояли чуть ли не фуры с этим сахаром, люди сахар покупали там мешками, потом этот мешок заносили на середину моста, вход в Литву — только, там, 6–5 килограмм, по-моему, был, они его на мосту, там, тасовали по пакетикам, и вот это все таким, ну, мегамуравейником. То есть зайти на границу — не знаю, там, два часа в очереди, то есть там сто человек на нашей границе, потом полный мост людей, которые чего-то пережидают, потому что там литовцы то пускают, то не пускают, потом на вход в Литву, и вот туда в Литву зашел, там какие-то свои дела сделал, и потопал такой же путь

[44] ШАИ.

[45] А — м., 1981, музыкант. Собиратель: Дарья Радченко.

обратно — то есть ты раз — и из Литвы в Россию тоже вот очередь из тех, кто уже отнес, там, блок сигарет, 5 килограмм сахара, какие-нибудь, там, я не знаю, куриные окорочка[46].

И вот мы там стояли, в Панемуне, и предлагали литовцам; они на машинах проезжали и покупали. ‹...› В непогоду идешь с этими сумками, приходишь туда и пытаешься втюхнуть свой товар. Потому что там каждый... Еще ведь у нас многие цыгане этим занимаются, у нас тут хорошая диаспора цыган, и они очень ушлые, и надо успеть, чтобы тоже продать, а то так до вечера простоишь[47].

В этот же период сложились еще две «приграничные» профессии, существующие до сих пор. Первая из них — валютчики. Частный обмен валют в городе — устоявшийся бизнес с начала 1990-х годов; по отзывам горожан, многие из современных «валютчиков» ведут свое дело не первый десяток лет. В 1990-х годах они составляли существенную конкуренцию официальным банкам [Сизов 1999]. Несмотря на то что продажа и приобретение иностранной валюты с рук с 2010-х годов являются незаконными, «валютчики» продолжают работать в общественных пространствах города (хотя из-за возросших рисков и снижения дохода в результате относительной устойчивости курсовой разницы и распространения безналичного расчета их число существенно снизилось). Перечень мест, где можно таким образом обменять валюту, является общим знанием советчан. Упоминавшие о них собеседники говорили о валютчиках как о привычном, нормативном и даже необходимом элементе городского ландшафта Советска.

[Встреченные немецкие туристы] говорят: «Мы не можем найти — это было, наверное, уже часов под 9 — мы не можем найти обменник, он закрыт». Ну, официальный закрыт был. А у нас есть место, где стоит куча «валютчиков». Незаконная деятельность, но тем не менее этим немцам она помогла, потому что в 9 часов нигде больше они не могли обменять евро, а там им для чего-то нужно конкретно было...[48]

Второй тип деятельности, связанной с границей, является, во-первых, легальным, во-вторых, гораздо более диверсифицированным: это торговля секонд-хендом, осуществляющаяся в городе с 1990-х годов. Сам этот вид товара, а вслед за ним и места его продажи, в разговорной речи жителей Калининградской области обычно обозначаются как «гумка» (от словосочетания «гуманитарная помощь» — именно с продажи этого вида ресурса, в принципе к продаже не предназначавшегося, в области и начался этот бизнес). «Гумка» может представлять собой как довольно качественную новую одежду или предметы быта, так и товары блошиного рынка или недорогой антиквариат (*Илл. 11*). Поэтому отношение к ней в городе двоякое: с одной стороны, покупка бывших в употреблении вещей воспринимается как унизительное проявление бедности, с другой — как своего рода «потребительский аттракцион», свидетельство «близости к Европе».

В условиях «размытой» границы оказывается, что границы между контрабандой и «мелким бизнесом» по перепродаже товаров в объемах, допускаемых таможенным законодательством, также размыты. Провоз контрабанды может быть способом бросить вызов контролю государства [Ruotsala 2009] или результатом неформальных договоренностей между агентами

[46] ТСВ.
[47] ЛНБ.
[48] ЖДП.

торговли и пограничными или таможенными службами [Troscenko 2016]. В нашем массиве интервью текстов о «серьезной» контрабанде — оружия, наркотиков, янтаря — или контрабанде в особо крупных размерах нет: может быть, из-за того, что наши собеседники не обладали соответствующими знаниями или уровнем доверия к нам. В основном, горожане транслируют забавные истории о мелкой контрабанде или способах неформального пересечения границы, которая осуществляется за счет закрывания глаз соответствующих служб на нарушения предписаний из-за локальных связей. Как пишет в 1991 году «Российская газета»: «Рядом останавливается рейсовый автобус Советск — Пагегяй, пассажиры, позевывая, смотрят на таможенников, которые покуривают в сторонке. Никому нет дела до содержимого "российских" сумок: если сумели уговорить продавцов в Литве отпустить вам кусочек окорока да коробку конфет — ради бога» [Буйда 1991]. Мост и персонал погранслужб становятся элементами «васкулярной геополитики» [Dunn 2020], в которой пропускные пункты, с одной стороны, контролируют потоки людей и товаров, а с другой — становятся проявлением «не только власти, но и сопротивления, уклонения, обхода и манипуляции, делая контроль любого государства над потоком неизбежно ограниченным» [Dunn 2020: 2]. Мелкая контрабанда, в том числе профессиональная, часто проходит по этим сосудам без ограничений [Grygar 2009].

Нарративы о мелкой контрабанде служат цели ее нормализации. В рассказах жителей постсоветская история города предстает легендой о повседневности контрабанды («контрабаса»), к которому так или иначе причастны все: те, кто непосредственно осуществляет перевозку нелегального товара, те, кто его контролирует, члены их семей.

> Сигареты — бизнес контрабандный, спирт тогда вывозили, конечно. Как же, город у границы, чем живет — контрабандой[49].

> В Duty Free заходишь на литовской стороне — там ходят разные люди, как правило, это женщины тучной формы тела. И что они делают? Они надевают юбки в пол, такие мешковатые какие-то кофты, они покупают тучу вот этих сигаретных блоков и скотчем вокруг себя обматывают ‹…› Вот этот пояс Шахерезады они себе творят вокруг, и сотрудники Duty Free просто — ну, для них это обычное дело — они сидят, они даже им скотч этот дают, грубо говоря — им-то это выгодно, они сколько сигарет купили. И они, обмотавшись, вплоть до того, что у них на ногах вот это все — идут через границу. И как бы пограничники, в принципе, знают, но надо же как-то им на жизнь зарабатывать — они к этому спокойно относятся[50].

Как отмечает антрополог Хелена Руотсала, и таможенники, и контрабандисты располагают одним и тем же ресурсом (который одновременно является и ограничителем их деятельности): локальностью, знанием местности и связями с живущими на ней людьми [Ruotsala 2009]. В результате множество погранпереходов и объектов вокруг них функционируют как единая система. На «советской» границе также есть несколько «дыр в заборе», которые связываются в маршруты: как легендарные (подземные ходы под рекой), так и вполне осязаемые.

> …Там были какие-то определенные схемы. Что, не позднее, вернее, не раньше скольких-то дней, можно там, ну, раз в три дня, например, пересекать вот этот переход. Есть еще другой переход, ну это дальше. [*смеется*]. Вот он приезжал, сут-

[49] ШАИ.
[50] ЖДП.

ки на этом мосту отстоит, приедет, ляжет, поспит, утром встает, так, нужно на тот переход, потом на тот переход[51].

Для осуществления этих маневров необходимо соблюдение формальных требований: чередование пропускных пунктов, произнесение правильных ритуальных текстов при взаимодействии с таможенниками и т. д. Правила и пространства постоянно трансформируются, и условием успешной жизни в пограничье оказывается постоянное же дообучение[52].

Но, такая особенность, нельзя просто в [Duty Free] зайти — ты должен там где-то погулять. И сказать литовцам, что ты идешь в Duty Free — тоже может очень плохо закончиться, вплоть до того, что у тебя заберут визу. Ты что-то придумываешь там, из серии — я к родственникам в Таураге, вот такое. Нужно всегда говорить, что ты куда-нибудь далеко[53].

Вы должны показать загранпаспорт, пройдете до конца и как бы вот этот бордюрчик — или перелезете, или обойдете, не доходя до литовского… Ну, то есть вот он идет, и вы как бы так — раз — завернете, а тут уже как бы идет литовский шлагбаум. Ну, не шлагбаум, а такой… такие ворота или что-то. Вы так обогнете это. Потому что мы так иногда в Duty Free ходим[54].

Ну, вас не пустят, только с визой. Нас пустят. [Без визы? Да?] Ну зачем вам знать? Конечно, местные как-то… Город маленький, все друг друга знают. Кому-то позвонили, кого-то спросили, у кого-то сосед работает или соседка[55].

Река сама по себе становится каналом переброски контрабандных товаров при помощи надувных плавсредств и водолазов, зимой — на санках. При этом формировались условно стабильные точки «прокола» границы, в том числе на территории города и рядом с ним: в прессе начала 2000-х в этом качестве упоминаются, например, участок у короотвала Советского ЦБЗ и бывшая танковая переправа [Шевченко 2003]; один из наших собеседников упомянул в этом же качестве территорию около водонапорной башни.

Да. Ой, там плавали. Сколько было дел заведено, уголовных. Водолазы плавали ‹…› Нанимали там специально мальчиков, чтобы они [*смеется*] все это дело[56].

Антрополог Элина Тросценко обращает внимание на то, что материальность границы реорганизует пространство вокруг нее [Troscenko 2016: 88], но, как мы видим на материале Советска, возникающие вместе с границей барьеры и ограничения оспариваются и на уровне нарративов, и на уровне практик. К моменту проведения нашей экспедиции территория на расстоянии 500 метров от р. Неман входила в пограничную зону[57]. Это означает, что формально в погранзону попадают практически все жилые кварталы Советска к северу от ул. Победы и существенная часть самой ул. Победы,

[51] ЛМА. См. также [Golunov 2017].

[52] Заметим, что частью этих приемов преодоления границы становятся определенные физические характеристики носителя контрабанды — модели транспортных средств или тел. В прессе рассказывается про популярность автомобилей «Фольксваген пассат», бак которых легко увеличивается, чтобы транспортировать дополнительный бензин или водку (а в случае проблем с дешевой старой машиной не жаль расстаться); наша собеседница говорит о том, что для переноса объемного товара на себе нужно быть «тучным» (чтобы толщина тела не контрастировала с очертаниями лица) и одеваться особым образом. То, что в других условиях могло бы быть недостатком, на границе приобретает востребованность.

[53] ЖДП.

[54] ЛНБ.

[55] КС.

[56] ЛМА.

[57] Согласно приказу ФСБ № 277 от 9 июня 2012.



Илл. 11. «Гумка». Фото: Дарья Радченко

с вытекающими отсюда режимами пребывания приезжих, ограничениями на посещение тех или иных объектов и способы времяпрепровождения там.

> А пограничная зона, считается, но если сколько метров, не соврать. У нас даже когда в «Парус» приезжают артисты из других регионов и стран, они обязаны зарегистрироваться и получить разрешение на нахождение в приграничной зоне[58].

> Даже под мостом фотографировать нельзя, пограничники ругаются. Я с женой гуляли, приезжали эти парфеновские, снимали с коптером. Там такой кипиш подняли[59].

Рядом с мостом Королевы Луизы в результате появления погранпункта возникло уникальное явление. Дом по адресу Базарная площадь, 3, расположенный в непосредственной близости от моста Королевы Луизы, оказался с трех сторон окружен сооружениями таможни и отгорожен ими от остальной застройки. Детерриториализированное здание (прозванное горожанами «Дом на таможне»[60]) получило особый статус: жители могли попасть домой только при предъявлении паспорта с пропиской, а приглашение гостей стало существенной проблемой.

Вместе с тем и здесь сказалась васкулярность границы. С четвертой стороны «Дом на таможне» выходит к заросшему кустарником и сорняками берегу Немана. Именно здесь, прямо под мостом, была протоптана неформальная тропа к дому, позволяющая избежать столкновения с таможенными службами. Несмотря на то что формально мост является режимным объектом, проход под ним по негласному соглашению жителей с погранслужбой остался свободным, поскольку зона у моста — еще и популярное место рыбной ловли. «Официальный» проезд строго охраняется, но вернакулярные маршруты горожан сохраняют следы того времени, когда государственной границы здесь не было.

[58] ЛМА.
[59] КС.
[60] Ныне расселен, ожидается снос.



Илл. 12. Флаг РФ на набережной Немана. Фото: Дарья Радченко



Илл. 13. Руины Тильзитского замка стали частью промышленного комплекса.
Фото: Дарья Радченко

Сходная ситуация наблюдается и в другом районе города — около старой водонапорной башни (*Илл. 10*), где сохранились остатки немецких гидротехнических сооружений. Формально она оказалась на территории пограничной зоны отчуждения, о чем предупреждает обращенный к дороге знак. Это, однако, не мешает жителям посещать башню: один из наших собеседников с иронией сказал, что пограничники знают о том, что местные жители здесь бывают, но практически не патрулируют территорию и не препятствуют посещениям.

Граница является не только материальной преградой или риторическим конструктом: это институт, который оказывается, по сути, градообразующим предприятием, поскольку самим своим существованием создает огромное количество рабочих мест в городе. Погранзона Советска оказывается территорией сложного баланса интересов: государственные задачи по охране границы гибко сочетаются с требованиями повседневности горожан: сохранением вернакулярных маршрутов, ведением хозяйственной деятельности, отдыхом на набережной и т. д.

Заключение

Граница — физическая, административная, государственная, темпоральная — не столько разделяет, сколько, в процессе своей реализации в дискурсах и практиках, переопределяет территории по обе стороны от нее. В работе «Мост и дверь» Зиммель замечает: «Вычленяя две вещи из непотревоженного естественного состояния, чтобы обозначить их как «раздельные», мы уже соотносим их друг с другом в нашем сознании. Мы дифференцировали их обе, вместе, отделив от всего, что лежало между ними. И наоборот: мы воспринимаем как связанное лишь то, что прежде некоторым образом изолировали. Чтобы впоследствии соединиться, вещи сначала должны быть отделены друг от друга» [Зиммель 2013: 145]. Для пограничных городов этот тезис как нельзя более релевантен.

Граница существует там и тогда, где и когда она осознается как таковая: для ее пересечения требуются особые усилия и выполнение предписанных норм и практик. До распада СССР пространственная граница с Литвой существовала на уровне рефлексии (за счет языковой, культурной, экономической специфики Литовской ССР по сравнению с РСФСР), но была максимально прозрачной — ее пересечение не контролировалось сверху и не требовало взаимодействия с государственной властью. После распада СССР пространственная граница постепенно закрывается: она остается проницаемой, но ее пересечение строго регламентировано, и «регионавты» постоянно изучают ее слабые места в поисках лазеек, которые позволяют извлекать выгоду из существования этого барьера.

Мы видим, как государственная, пространственная граница является границей между вернакулярным и официальным, легальным и нелегальным. Переходы между ними формируют своего рода серые зоны, статус которых размыт, воспринимается как неустойчивый или не требующий жестких мер по поддержанию определенности. Советск буквально пронизан лазейками: пространственными, правовыми, дискурсивными, по которым циркулируют товары, люди, тексты. Именно из локального знания устройства этих лазеек и складывается особая «третья культура» [Anzaldua 1999] — культура пограничья.

Литература

Бредникова, О. Е. (2008). Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации). Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2008(4), 492–497.

Буйда, Ю. (1991). Лайминго кяле! Доброго пути! Российская газета, 1991(14 февраля). [БД «Интегрум. Архив СМИ».]

Вендина, О. (2019). Жить в пограничье: интерпретация проблем пограничной безопасности жителями приграничных городов России. *Laboratorium: Журнал социальных исследований, 2019*(2), 30–69.

Заковряшин, А. (1998). Вывозят российские товары. Гудок. 1998(24 декабря). [БД «Интегрум. Архив СМИ».]

Зиммель, Г. (2013). Мост и дверь. Социология власти, 2013(3), 145–150.

Манюк, Е. С. (2019). Отношение переселенцев к городской среде в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда): социально-политический аспект. Время Музея: Сборник статей, 376–388. Калининград: Страж Балтики.

Петров, Н. В., Байдуж, М. И., Матвеева, Э. Г., Петрова, Н. С., Радченко, Д. А., Рычкова, Н. Н. (2019). Истории людей в цифровом формате: методические рекомендации по сбору и визуализации интервью. М.: Неолит.

Сизов, В. (1999). Валютчик комфорт любит. Калининградская правда, 1999(2 февраля). [БД «Интегрум. Архив СМИ».]

Ткач, О. А. (2010). Мимоза, море и мандарины, или Один год из жизни российско-абхазской границы. *Laboratorium: Журнал социальных исследований, 2010*(1), 274–283.

Холцленер, Т. (2009). Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке. Ойкумена. Регионоведческие исследования, 3(10), 102–111.

Шевченко, И. (2003). На краю земли калининградской. Калининградская правда, 2003(28 мая). [БД «Интегрум».]

Шишаченко, М. А. (2020). Подпольное православие в Калининградской области (на основе интервью). Калининградские архивы, *2020*(17), 140–146.

Alvarez, R.R., Jr. (1995). The Mexican-US border: The making of an anthropology of borderlands. *Annual Review of Anthropology, 1*(1), 447–470.

Anzaldua, G. (1999). *Borderlands / La frontera. The New Mestiza.* San-Francisco: Aunt Lute Books.

Duarte-Herrera, C. (2001). Defining the US-Mexico border as hyperreality. *Estudios Fronterizos, 2*(4), 139–165.

Dunn, E. (2020). Warfare and warfarin: Chokepoints, clotting and vascular geopolitics. *Ethnos, 85*(1), 1–18.

Golunov, S. (2017). Shuttle trade across Russia's borders with the Baltic states and Poland: Between tolerance and suppression. *East European Politics & Societies and Cultures, 2017*(31), 885–908.

Grygar, J. (2009). Devushka and cigarette: Fluid migrants across the EU border. *Slovenský národopis: Časopis Ústavu etnológie Slovenskej akadémie vied,* 546–559. Bratislava: Slovak Academic Press.

Löfgren, O. (2008). Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia. *European Urban and Regional Studies, 2008*(15), 195–209.

Marucco, C. (2014). *Becoming locals in a borderland of exiles. Sense of place in the stories of Lithuania Minor dwellers. Master's thesis*. Turku: University of Turku.

O'Dell, T. (2003). Øresund and the regionauts. *European Studies: A Journal of European Culture, History and Politics*, *2003(*19), 31–53.

Ruotsala, H. (2009). From crime to cultural heritage. *Anthropological Journal of European Cultures, 18*(1), 30–49.

Terlouw, K. (2012). Border surfers and euroregions: Unplanned cross-border behaviour and planned territorial structures of cross-border governance. *Planning Practice and Research, 2012*(27), 351–366.

Troscenko, E. (2016). With a border fence in the backyard: Materialization of the border in the landscape and the social lives' of border people. In: T. Bringa, H. Toje (Eds.). *Eurasian borderlands. Approaches to social inequality and difference*, 129–150. New York: Palgrave Macmillan.

References

Alvarez, R. R., Jr. (1995). The Mexican-US border: The making of an anthropology of borderlands. *Annual Review of Anthropology, 1*(1), 447–470.

Anzaldua, G. (1999). *Borderlands/La frontera. The New Mestiza*. San-Francisco: Aunt Lute Books.

Brednikova, O. (2008). The borderlands as a social phenomenon (vectors of sociological conceptualization). *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology, 2008*(4), 492–497. (In Russian).

Buyda, Yu. (1991). Laimingo kelio! Godspeed! *Rossiyskaya Gazeta, 1991*(February 14). ["Integrum" DB. News media archive.] (In Russian).

Duarte-Herrera, C. (2001). Defining the US-Mexico border as hyperreality. *Estudios Fronterizos, 2*(4), 139–165.

Dunn, E. (2020). Warfare and warfarin: Chokepoints, clotting and vascular geopolitics. *Ethnos, 85*(1), 1–18.

Golunov, S. (2017). Shuttle trade across Russia's borders with the Baltic states and Poland: Between tolerance and suppression. *East European Politics & Societies and Cultures, 2017*(31), 885–908.

Grygar, J. (2009). Devushka and cigarette: Fluid migrants across the EU border. *Slovenský národopis: Časopis Ústavu etnológie Slovenskej akadémie vied,* 546–559. Bratislava: Slovak Academic Press.

Holzlener, T. (2009). Eastern porosity: An anthropology of cross-border trade and contact in the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches, 3*(10), 102–111. (In Russian).

Löfgren, O. (2008). Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia. *European Urban and Regional Studies, 2008*(15), 195–209.

Manyuk, E. (2019). Settlers' attitudes to urban environment in former East Prussia (Kaliningrad and Klaipeda): Social and political aspects. In *Museum times: Collected works,* 376–388. Kaliningrad: Strazh Baltiki. (In Russian).

Marucco, C. (2014). *Becoming locals in a borderland of exiles. Sense of place in the stories of Lithuania Minor dwellers. Master's thesis*. Turku: University of Turku.

O'Dell, T. (2003). Øresund and the regionauts. *European Studies: A Journal of European Culture, History and Politics*, *2003(*19), 31–53.

Petrov, N., Baiduzh, M., Matveeva, E., Petrova, N., Radchenko, D., Rychkova, N. (2019). *People's stories in digital format: Methodological recommendations for collecting and visualizing interviews.* Moscow: Neolit. (In Russian).

Ruotsala, H. (2009). From crime to cultural heritage. *Anthropological Journal of European Cultures, 18*(1), 30–49.

Shevchenko, I. (2003). On the fringes of the lands of Kaliningrad. *Kaliningradskaya Pravda, 2003*(May 28). ["Integrum" DB. News media archive.] (In Russian).

Shishachenko, M. (2020). Underground Orthodoxy in Kaliningrad Region (based on interviews). *Kaliningrad archives, 2020*(17), 140–146. (In Russian).

Sizov, V. (1999). Speculators in foreign currency like it comfortable. *Kaliningradskaya Pravda, 1999*(February 2). ["Integrum" DB. News media archive.] (In Russian).

Terlouw, K. (2012). Border surfers and euroregions: Unplanned cross-border behaviour and planned territorial structures of cross-border governance. *Planning Practice and Research, 2012*(27), 351–366.

Tkach, O. (2010). Mimosas, beaches, mandarins, or one year in the life of the Russian-Abkhazian border. *Laboratorium: Russian Review of Social Research, 2010*(1), 274–283. (In Russian).

Troscenko, E. (2016). With a border fence in the backyard: Materialization of the border in the landscape and the social lives' of border people. In: T. Bringa, H. Toje (Eds.). *Eurasian borderlands. Approaches to social inequality and difference*, 129–150. New York: Palgrave Macmillan.

Vendina, O. (2019). Living in the borderland: How residents of Russian border towns interpret security problems. *Laboratorium: Russian Review of Social Research, 2019*(2), 30–69. (In Russian).

Zakovryashin, A. (1998). Russian goods are transported abroad. *Gudok, 1998*(December 24). ["Integrum" DB. News media archive.] (In Russian).

Zimmel, G. (2013). Bridge and door. *Sociology of Power, 2013*(3), 145–150. (In Russian).